

ПРОИСШЕСТВИЕ В КРЕМЛЕ В 1921 г.: ЗАМЕТКИ О КРИТИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ ФОЛЬКЛОРНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Аннотация.

Актуальность и цели. Исследование такой актуальной темы, как социальные устои, менталитет, разнообразные стороны и области повседневности советского общества, его поведенческие принципы и практики, правила и нормы взаимоотношений с властью требует расширения эмпирической базы и привлечения новых источников, в том числе фольклорных. Данное обстоятельство придает особую значимость критическому анализу фольклорных источников, что достигается, в частности, сопоставлением таковых с архивными материалами. Цель работы – путем сравнительного анализа архивных документов и фольклорных источников (политических анекдотов) обосновать мнение о том, что последние представляют собой надежную основу в процессе исследования отдельных аспектов действительности Советской России 1917–1921 гг.

Материалы и методы. Реализация исследовательских задач достигнута на основе комплексного анализа и использования фольклорных источников (в частности, советских политических анекдотов), свидетельств и воспоминаний современников, архивных документов из Российского государственного архива социально-политической истории, в том числе впервые вовлеченных в научный оборот. В методологическом плане исследование зиждется на таком приеме источниковедческой критики, как сравнительный анализ разноплановых свидетельств о прошлом, в данном случае – фольклорных источников (политических анекдотов) и архивных документов.

Результаты. Проанализировано содержание характерных образцов политических анекдотов о большевистской элите периода Гражданской войны. Выявлены ведущие тенденции содержания данной категории политических анекдотов и установлены причины возникновения этих тенденций. Осуществлена источниковедческая критика ряда политических анекдотов, что было достигнуто путем сравнительного анализа указанных фольклорных источников, с одной стороны, и опубликованных воспоминаний современников и архивных документов – с другой.

Выводы. Сравнительный анализ архивных документов и политических анекдотов дает основания уверенно утверждать, что последние не являются плодом фантазии, но опираются на действительные факты и тем самым в полной мере могут быть использованы как исторические источники в процессе исследования взаимоотношений общества и большевистского режима в 1917–1921 гг. Результаты источниковедческой критики анекдотов, привлеченных для написания настоящей публикации, свидетельствуют о том, что содержащиеся в них негативные оценки морального облика и поведения большевистской элиты не являются преувеличением и верно отражают отношение значи-

тельной части общества к определенной части представителей партийно-советского аппарата.

Ключевые слова: анекдот, большевики, голод 1921–1922 гг., исторические источники, Кремль, фольклор.

V. A. Bondarev

THE KREMLIN ACCIDENT IN 1921: NOTES ON CRITICAL ANALYSIS OF FOLKLOR SOURCES

Abstract.

Background. The study of such topical issues as social foundations, mentality, various aspects and areas of everyday life of the Soviet society, its behavioral principles and practices, rules and norms of relations with the authorities requires the expansion of the empirical base and the involvement of new sources, including folklore. This circumstance gives special importance to the critical analysis of folklore sources, which is achieved, in particular, by comparing them with archival materials. The aim of the work is to substantiate the opinion by comparative analysis of archival documents and folklore sources (political anecdotes) that the latter represent the basis in the process of studying certain aspects of the Soviet Russia of 1917–1921.

Materials and methods. Realization of research tasks is provided on the basis of complex application of folklore sources, testimonies and memoirs of contemporaries, archival documents from the Russian state archive of social and political history, including, for the first time involved in scientific turnover. In methodological terms, the study is based on such a method of source criticism as a comparative analysis of diverse evidence about the past, in this case – folklore sources (political anecdotes) and archival documents.

Results. The content of characteristic samples of political anecdotes about the Bolshevik elite of the Civil war period is analyzed. Source criticism of a number of similar folklore sources was carried out, which was achieved by comparative analysis of anecdotes, on the one hand, and published memoirs of contemporaries and archival documents, on the other.

Conclusions. Comparative analysis of archival documents and political anecdotes gives grounds to confidently assert that the latter are not a figment of imagination, but are based on actual facts and, thus, can be fully used as historical sources in the study of the relationship between society and the Bolshevik regime in 1917–1921. The results of source criticism of anecdotes indicate that the negative assessments of the moral appearance and behavior of the Bolshevik elite contained in these folklore sources are not exaggeration and correctly reflect the attitude of a significant part of society to a certain part of the representatives of the party-Soviet apparatus.

Keywords: anecdote, the Bolsheviks, famine in 1921–1922, historical sources, the Kremlin, folk.

Непрерывным условием исследовательской деятельности историка, без которого невозможен глубокий анализ событий прошлого и реконструкция минувшей реальности, выступает поиск, изучение, осмысление исторических источников, каковыми являются «все продукты деятельности людей, содержащие в себе факты, которые доносят до нас реальные явления общественной жизни в единстве непосредственного и опосредованного отражения

[таковой] и свидетельствуют о... процессе развития человеческого общества» [1, с. 20]. Для любого профессионального исследователя прошлого является аксиомой, что обширность и разнообразие эмпирической базы прямо пропорциональны основательности его суждений и выводов. В этой связи при работе с историческим материалом необходимо стремиться к накоплению разноплановых источников вне зависимости от того, будут ли они вещественными, письменными, устными и т.д.

Не менее важным условием результативной деятельности историка является тщательный источниковедческий анализ, направленный на установление степени полноты и достоверности содержащейся в источнике информации. При этом видовая принадлежность источников нередко оказывает определяющее воздействие на осуществление их критического анализа, облегчая либо, напротив, затрудняя его. Одними из наиболее сложных объектов источниковедческой критики выступают фольклорные источники – легенды, предания, песни, былины, сказки, анекдоты и т.п. Отмеченная категория источников весьма востребована в процессе исторической реконструкции, поскольку позволяет не только дополнить, но и скорректировать информацию, содержащуюся в документах. В частности, в XX в. получил распространение такой фольклорный жанр, как анекдоты – «остроумные миниатюры», «короткие остросюжетные, часто смешные рассказы о реальных исторических деятелях и знаменательных событиях...» [2, с. 3, 4], а равно и о самых разных явлениях человеческой обыденности. Поскольку в анекдоте «сатирически заостренно воспроизводится злободневная ситуация с фиксацией типических и особенных черт» [3, с. 10], данное фольклорное произведение представляет собой один из наиболее выразительных источников не только о ситуации в обществе в тот или иной исторический период, но и о распространенных в этом обществе идеях, настроениях, предпочтениях. Помимо прочего, анекдоты позволяют выяснить, сколь критичным было отношение общества к коммунистической доктрине, советскому официозу, тем или иным мероприятиям большевиков в 1920-х – 1930-х гг. Здесь нельзя не согласиться с мнением Ю. Б. Борева, «почти полвека» [2, с. 5] собиравшего советские политические анекдоты, о том, что этот фольклорный жанр «явил неофициозную мифологию эпохи» [2, с. 5].

Важность фольклора (в том числе анекдотов) как исторического источника неоспорима, но, повторимся, его источниковедческая критика затруднена. Сложность анализа фольклорных произведений предопределена тем обстоятельством, что они принадлежат к числу устных источников и были записаны гораздо позже, чем возникли, и много позже, чем произошли те события, о которых в этих легендах повествуется. При изустной передаче на протяжении десятилетий и столетий эти сказания и предания более или менее видоизменялись: новые поколения рассказчиков вносили в них какие-либо дополнения, из-за чего они все более отдалялись от оригинала и, соответственно, от подлинных исторических фактов. Сопоставить же поздние варианты фольклорных произведений с оригиналом и тем самым выявить и устранить позднейшие напластования невозможно по понятным причинам. Кроме того, поскольку фольклор сопряжен с вымыслом и гиперболой, никоим образом нельзя поручиться за то, что содержание тех же политических анекдотов опирается на факты и соответствует действительности.

Наилучшим средством анализа фольклора является сопоставление фольклорных произведений с письменными источниками, но сделать это можно отнюдь не всегда (особенно в том случае, если события, отраженные в легендах, происходили в дописьменный период). В том числе задача проверки информации, предоставляемой советским анекдотом, зачастую и как правило представляется крайне сложной из-за отсутствия в распоряжении историка соответствующих письменных источников, которые позволили бы выявить, есть ли в этих «остроумных миниатюрах» историческое зерно и насколько оно скрыто и деформировано воображением рассказчиков и эффектом «испорченного телефона». Все это заставляет исследователей с определенной (нередко изрядной) долей скепсиса относиться к фольклору и, в том числе, анекдоту как историческому источнику.

Все же задача источниковедческого анализа фольклора в целом и анекдотов в частности вовсе не является невыполнимой. Упорный целенаправленный поиск позволяет историку обнаружить в архивных фондах, в опубликованных документах, в прессе, мемуарах подтверждение той информации, которую доносит до нас фольклор. Иногда благосклонный случай предоставляет исследователю поистине уникальную возможность обнаружить факты, послужившие основой того или иного анекдота. Один из таких случаев лег в основу настоящей публикации.

Среди популярных сюжетов советского фольклора, в особенности политических анекдотов, присутствует высмеивание созданного официозом облика большевистских вождей, которые наделялись всеми мыслимыми достоинствами и изображались как плоть от плоти народа, как аскеты и бесребренники, личным примером призывавшие к нестяжательству, соблюдению социальной справедливости, заботе о простых людях. Эталоном подобного лидера выступал, разумеется, В. И. Ленин: его современники, а затем и последующие творцы ленинианы всегда подчеркивали личную скромность и бытовую неприязнательность Ильича.

Показательны воспоминания первого коменданта Кремля П. М. Малькова, занимавшего этот чрезвычайно важный пост в самые тяжелые для советского правительства времена – с марта 1918 г. по апрель 1920 г. Мальков утверждал, что «питался Ильич плохо, нередко оставался без сахара, чая, без крупы, уже не говоря о мясе, масле. Обеды он получал из той же кремлевской столовой, но обеды-то были никудышные. Жидкий суп, пшенная каша, одно время была солонина, красная кетовая икра – и все. И ведь это только обед, а надо еще завтракать, ужинать...». Хотя «у меня», вспоминал Мальков, «всегда был некоторый резерв продуктов для неотложных нужд» и потому при наличии желания у Ленина можно было сделать его стол более богатым и разнообразным, «ни разу» ни сам Ильич, «никто из его близких не обратились ко мне за продуктами. Больше того, несколько раз я пытался сам занести что-нибудь из провизии на квартиру Ильича, и всегда дело кончалось отказом». Далее в воспоминаниях Малькова упоминается явление, которое впоследствии стало хрестоматийным в рамках ленинианы: «А сколько раз, бывало, Ленину привозили или присылали любовно собранные продуктовые посылки! Слали товарищи, везли делегаты сел и деревень. И никогда Ильич ничего не оставлял себе, все передавал в школы и детские дома ребятам» [4, с. 133].

Сходными добродетелями наделялись и другие большевистские вожди, а масса менее высокопоставленных партийно-советских чиновников, как подразумевалось, обязана была следовать их примеру и соблюдать строжайшую умеренность в материально-бытовом отношении. Такова была официальная позиция, опиравшаяся на партийную этику и растиражированная в литературе и кинематографе.

Напротив, анекдоты изображают партийную элиту, представителей партаппарата и советское чиновничество в совершенно ином виде – как аморальных субъектов, озабоченных лишь собственным благополучием и не желающих слышать о нуждах народа. Наиболее это характерно для тех анекдотов, которые возникли в наиболее трудные для Советского государства годы – в частности, в период Гражданской войны и в условиях голода 1921–1922 гг. Как свидетельствуют письменные источники – официальные доклады и отчеты, пресса, мемуары, письма, прошения, заявления современников в органы власти – это было время «невероятных лишений и страданий», когда крайне неудовлетворительное «материальное положение было главным фактором недовольства новой властью» [5, с. 52, 53]. О том же повествуется и в анекдотах, в которых нередко отражен дефицит одежды и обуви: по улице идет человек в одном сапоге и на вопрос прохожего, не потерял ли он второй сапог, отвечает: «Да нет, нашел!» [6, с. 14]. Еще чаще анекдоты говорят об остром недостатке продуктов питания. Характерен, например, анекдот, где учительница читает классу басню И. А. Крылова «Ворона и лисица» и после слов «вороне как-то бог послал кусочек сыра...» недоумевающие ученики вопрошают: «А разве бог есть?», «а разве есть сыр?» [6, с. 13].

В то же время фольклорные произведения рисуют неприглядный образ правителей Советской России, которые, сидя в Кремле, не испытывали материальных лишений. В разнообразных преданиях и байках заявлялось, что во время Гражданской войны «существовали особые продотряды, снабжавшие продуктами кремлевских руководителей», и, как результат, пищи в Кремле было даже слишком много, поэтому, когда «у Ленина как-то испортилась бочка соленой рыбы», он попросту «приказал ее выбросить». Творцы и хранители фольклора настаивали, что список продуктов, имевшихся в Кремле, был весьма обширным и в него, помимо таких непритязательных категорий съестного, как горох, капуста, картошка, кукуруза и т.п., входили и деликатесы вроде баранины, ветчины, грудинки, колбасы, кетовой икры и т.д. [2, с. 51].

Надо сказать, что у советского общества были весомые основания для того, чтобы изображать представителей власти в черном цвете. Низовые работники советского аппарата (в частности, сотрудники сельских советов), с которыми чаще всего приходилось сталкиваться рядовым гражданам, нередко злоупотребляли своим положением, брали взятки, вели разгульный образ жизни. Не случайно современники констатировали, что, хотя «деревня за советскую власть... но ту власть, которая есть на месте, она не считает достаточно хорошей, достаточно работоспособной» [7, л. 65].

Кроме того, в условиях централизованного распределения продуктов питания и промышленных товаров, установленного в РСФСР в соответствии с политикой «военного коммунизма», представители большевистского режима находились в привилегированном положении в сравнении с обычными гражданами. Со времен Гражданской войны одним из знакомых символов

советского общественного устройства становится так называемый закрытый распределитель – магазин, где могли отовариваться по карточкам работники промышленных предприятий [8, с. 513], а равно и представители власти. Подобный распределитель времен Гражданской войны для партийно-советской элиты описал в «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернак. Писатель повествовал на страницах своего знаменитого романа, как главный герой, доктор Юрий Андреевич Живаго, и его тесть, профессор-агроном Александр Александрович Громеко, за оказанные советскому правительству услуги были награждены «в наилучшей по тому времени форме» – ордерами в закрытый распределитель, который «помещался в каких-то гарнизонных складах у Симонова монастыря», в глубоком каменном подвале [9, с. 245]. Кладовщик потребовал у доктора и его тестя их тару, а затем «у обоих глаза вылезли на лоб, когда в подставленные чехлы от дамских подушечек, называемых думками, и более крупные наволочки им стали насыпать муку, крупу, макароны и сахар, насовали сала, мыла и спичек и положили каждому еще по куску чего-то завернутого в бумагу, что потом, дома, оказалось кавказским сыром» [9, с. 246]. Впоследствии закрытый распределитель превратился в «магазин для работников партийно-правительственного аппарата, где они могли покупать дефицитные продукты по низким ценам» [8, с. 513], ибо, как с иронией писал М. С. Восленский, «вкусная и здоровая пища – предмет постоянной заботы номенклатурщика и обслуживающего его персонала» [10, с. 290].

То есть фольклорные произведения о том, что партийно-советские чиновники в 1917–1922 гг. не соблюдали ими же воспеваемый принцип социальной справедливости и являлись привилегированными потребителями продуктов питания, в сравнении с рядовыми гражданами, коррелируют с массой других источников. Но зачастую предания об особых продотрядах для снабжения Кремля, о поедании высокопоставленными большевиками и лично Лениным разнообразных деликатесов в то время, когда страна голодала, иные подобные легенды и анекдоты невозможно проверить и гарантировать, что они хотя бы в малой мере соответствуют действительности. Так, не приходится сомневаться, что в кладовых Кремля была кетовая икра, ибо о ней упоминает сам кремлевский комендант П. М. Мальков, который вовсе не был заинтересован в очернении большевистских вождей. Но как быть с бочкой протухшей соленой рыбы, которую якобы Ленин приказал выбросить? Весьма сомнительно, что в архивах сохранились какие-либо документы, которые могут подтвердить эту легендарную информацию.

Все же в ряде случаев архивы предоставляют исследователю возможность убедиться, что неправдоподобная, казалось бы, ситуация, с блеском обрисованная в анекдоте, все же имела место в действительности. Так произошло с автором настоящей публикации.

В изданной в 2002 г. работе Б. М. Сарнова «Наш советский новояз» автор статьи прочитал анекдот о том, как В. И. Ленину доложили, что «какие-то старые его товарищи по партии, люди с большими (в прошлом) революционными заслугами, морально разложились. Устраивали какие-то пьянки и чуть ли даже не афинские ночи. Дело происходило в квартире, размещавшейся в первом этаже, и кто-то из прохожих увидел в окно, чем занимаются почтенные “старые большевики”» [11, с. 18]. Ильич, выслушав это донесение, возмутился и объяснил свое недовольство поведением «старых большевиков»

следующим образом: «Позог! Стагые геволуционегыз! Конспигатогыз! Штогу не догадались задегнуть...» [11, с. 18]. Мораль анекдота, таким образом, заключалась в том, что Ленин не находил ничего предосудительного в сибаритстве партийных функционеров в тяжелое для страны время и, следовательно, сам знал в таком сибаритстве толк. Антисоветская направленность анекдота очевидна и совершенно логичным выглядит предположение, что сочинили его отнюдь не друзья большевиков. Однако, в какой мере обрисованная в этой миниатюре ситуация соответствовала действительности, сказать было решительно невозможно.

Так случилось, что во время очередного посещения Российского государственного архива социально-политической истории, нами было заказано архивное дело, в котором были собраны документы, датированные январем 1921 г. – апрелем 1929 г. Будучи историком-аграрником, автор статьи надеялся отыскать в этих документах интересующие его сведения о ситуации в российской (советской) деревне периода нэпа. Каково же было его удивление, когда, помимо подобных сведений, автор статьи наткнулся на заметку (или лучше сказать докладное письмо) красноармейца Первого эскадрона кавалерийского дивизиона Первой объединенной военной школы им. ВЦИК Советов В. Крылова под названием «Не отгаданная загадка».

Крылов утверждал, что он был дежурным по эскадрону, который, как и кавдивизион Первой объединенной военной школы им. ВЦИК Советов, располагался в Кремле. Дежурство проходило в ночь с 30 сентября на 1 октября; Крылов не указал в своей записке год, но, судя по содержанию документа, это был 1921 г. Во время дежурства красноармейцу довелось быть свидетелем странной картины, приведшей его в состояние сильнейшего возмущения.

В половине первого часа ночи, утверждал Крылов, «в здании с восточной стороны от Камчатки (по-видимому, красноармейцы называли так какое-то здание в Кремле. – В. Б.), где помещается Кавдивизион, ... комната нижнего этажа, угловая с левой стороны от Камчатки осветилась электричеством...» [12, л. 2]. Что же увидел Крылов в ярко освещенной комнате? «Пред освещенным окном стоял стол, вокруг которого суетились люди... Обгоняя один другого, они ставили на стол разнообразные закуски и вина... Здесь были белые пироги, жаренное, арбузы, дыни, напитки с красными головками на бутылках и другие сладости... Вскоре стол был уставлен по буржуазному и неизвестные лица уселись за него. Здесь было несколько мужчин и женщин, среди которых были и пожилые, все они занялись оживленными разговорами, жестикулируя руками, они опустошали бутылку за бутылкой, белые пироги и другие сладости, все это отправлялось в утробу ненасытно уплетающих и постепенно стало исчезать со стола» [12, л. 2].

Крылов был возмущен увиденным и в своей записке объяснил возмущение так: «Перед глазами предстала картина голодающего Поволжья» [12, л. 2] (эти слова и позволяют предположить, что письмо датировано 1921 г., поскольку голод в основном прекратился весной 1922 г.). Красноармеец не замедлил доложить о таинственном пиршестве дежурному по кавдивизиону, а тот – дежурному по школе. Последний вскорости прибыл на место происшествия в сопровождении дежурного политрука. Но они не приняли никаких мер к пресечению творившегося безобразия и удалились, причем политрук «уверенно сказал: “здесь ничего особенного нет”» [12, л. 2].

Не удовлетворившись успокоительными заверениями политрука, Крылов в сопровождении еще нескольких красноармейцев бросился к коменданту Кремля, которым в данное время являлся уже не П. М. Мальков, а Р. А. Петерсон. Того не оказалось на месте, но Крылов обратился к его помощнику. Однако и помощник коменданта Кремля «не только не принял никаких мер, но ничего не сказал и ушел во свояси... [И это] Помкомкремля, который должен устранять все ненормальные явления в стенах Кремля[,] где помещается сердце революции, где помещаются наши героические вожди, где помещается все то, от чего зависит благо и жизнь мирового пролетариата и крах капитала» [12, л. 2] – патетически восклицал Крылов. В конце концов пировавших кто-то предупредил, потому что, как писал Крылов, они «занавесили окно, чтобы укрыться от наших взоров». Кто рекомендовал неизвестным гурманам отгородиться от внешнего мира, Крылов сказать не мог, но многозначительно добавлял: «Главное то, что занавес[ь] появилась вскоре после ухода от нас помкомкремля» [12, л. 2].

Сопоставление записки В. Крылова и анекдота о проштрафившихся «старых большевиках» позволяет с полной уверенностью утверждать, что, во-первых, последний не является чистым вымыслом, а основан на действительных событиях. Во-вторых, документ за авторством В. Крылова, равно как и содержащийся в книге Б. М. Сарнова анекдот, подкрепляют свидетельства других (и достаточно многочисленных) источников, согласно которым большевистская элита была вовсе не столь демократична и аскетична, как утверждал советский официоз. По крайней мере данное суждение вполне применимо к некоторой части высокопоставленных функционеров компартии.

В целом же представляется возможным уверенно констатировать, что фольклорные источники в целом (и в частности анекдоты и предания о советском обществе 1917–1921 гг.) обладают значительным познавательным потенциалом. При условии тщательного источниковедческого анализа эти источники с полным правом могут выступить в качестве одного из компонентов эмпирической базы научного исследования истории советского (ранне-советского) общества, в частности – доминировавших в этом обществе настроений и его взаимоотношений с большевистским режимом.

Библиографический список

1. **Пронштейн, А. П.** Методика исторического источниковедения / А. П. Пронштейн. – 2-е изд., доп. и исправ. – Ростов-на-Дону : Изд-во РГУ, 1976. – 480 с.
2. **Борев, Ю. Б.** История государства советского в преданиях и анекдотах / Ю. Б. Борев. – Москва : РИПОЛ, 1995. – 256 с.
3. **Никоненко, Ст.** Наука зрения Пантелеймона Романова / Ст. Никоненко // Повести и рассказы / П. Романов ; сост., вступ. ст. Ст. Никоненко. – Москва : Художественная литература, 1990. – С. 3–18.
4. **Мальков, П. Д.** Записки коменданта Кремля / П. Д. Мальков. – 3-е изд. – Москва : Молодая гвардия, 1967. – 264 с.
5. Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918–1932 гг. / отв. ред. А. К. Соколов. – Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. – 328 с.
6. История СССР в анекдотах. 1917–1992. – Смоленск : Смядынь, 1992. – 352 с.
7. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 84. Д. 1023.

8. **Мокиенко, В. М.** Толковый словарь языка Совдепии / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – Санкт-Петербург : Фолио-Пресс, 1998. – 704 с.
9. **Пастернак, Б. Л.** Доктор Живаго / Б. Л. Пастернак. – Москва : Советская Россия, 1989. – 640 с.
10. **Восленский, М. С.** Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. – Москва : Советская Россия : Октябрь, 1991. – 624 с.
11. **Сарнов, Б. М.** Наш советский новояз. Маленькая энциклопедия реального социализма / Б. М. Сарнов. – Москва : Материк, 2002. – 600 с.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 204.

References

1. Pronshteyn A. P. *Metodika istoricheskogo istochnikovedeniya* [Methodology of historical source study]. 2nd ed., suppl. and corr. Rostov-on-Don: Izd-vo RGU, 1976, 480 p. [In Russian]
2. Borev Yu. B. *Istoriya gosudarstva sovetskogo v predaniyakh i anekdotakh* [The history of the Soviet state in legends and anecdotes]. Moscow: RIPOL, 1995, 256 p. [In Russian]
3. Nikonenko St. *Povesti i rasskazy* [Tales and stories]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura, 1990, pp. 3–18. [In Russian]
4. Mal'kov P. D. *Zapiski komendanta Kremlya* [Notes of the Kremlin commandant]. 3d ed. Moscow: Molodaya gvardiya, 1967, 264 p. [In Russian]
5. *Golos naroda. Pis'ma i otkliki ryadovykh sovetskikh grazhdan o sobyitiyakh 1918–1932 gg.* [The voice of the people. Letters and responses of ordinary Soviet citizens about the events of 1918–1932]. Execut. ed. A. K. Sokolov. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1997, 328 p. [In Russian]
6. *Istoriya SSSR v anekdotakh. 1917–1992* [The history of the USSR in anecdote. 1917–1992]. Smolensk: Smyadyn', 1992, 352 p. [In Russian]
7. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv sotsial'no-politicheskoy istorii (RGASPI)* [Russian State Archive of Social and Political History]. F. 17. Op. 84. D. 1023. [In Russian]
8. Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Tolkovyy slovar' yazyka Sovdep'ii* [Explanatory dictionary of the language of the Soviets]. Saint-Petersburg: Folio-Press, 1998, 704 p. [In Russian]
9. Pasternak B. L. *Doktor Zhivago* [Doctor Zhivago]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, 1989, 640 p. [In Russian]
10. Voslenskiy M. S. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The ruling class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya: Oktyabr', 1991, 624 p. [In Russian]
11. Sarnov B. M. *Nash sovetskiy novoyaz. Malen'kaya entsiklopediya real'nogo sotsializma* [Our Soviet newspeak. Little Encyclopedia of Real Socialism]. Moscow: Materik, 2002, 600 p. [In Russian]
12. RGASPI. F. 17. Op. 86. D. 204.

Бондарев Виталий Александрович
доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры истории
и культурологии, Донской
государственный технический
университет (Россия, г. Ростов-на-Дону,
площадь Гагарина, 1)

E-mail: vitalijj-bondarev27@rambler.ru

Bondarev Vitaliy Aleksandrovich
Doctor of historical sciences, associate
professor, professor of the sub-department
of history and cultural studies, Don State
Technical University (1 Gagarin square,
Rostov-on-Don, Russia)

Образец цитирования:

Бондарев, В. А. Происшествие в Кремле в 1921 г.: заметки о критическом анализе фольклорных источников / В. А. Бондарев // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2020. – № 2 (54). – С. 40–49. – DOI 10.21685/2072-3024-2020-2-5.